

Полифония Круга

Ю. П. МЕДВЕДЕВ, Д. А. МЕДВЕДЕВА,
при участии D. SHEPHERD

Эту работу авторы посвящают литературоведу Николаю Алексеевичу Панькову, подошедшему к изучению творческого наследия М. М. Бахтина с той необходимой требовательностью к себе, каковую завещал нам отечественный классик.

Верность Бахтину обязала Николая Алексеевича значительную часть своей жизни посвятить осмыслению феномена М. М. Бахтина, создав специальный журнал, организуя Международные научные конференции, выпуская содержательные «Бахтинские чтения». Эти коллективные труды, вдохновленные и организованные Паньковым, способствовали плодотворному научному диалогу между исследователями всего мира.

Создать бахтинский журнал в начале 90-х малоизвестному тогда кандидату филологических наук из Витебска — задача почти непосильная. Паньков рисковал и зависел от отношения к журналу и лично к нему влиятельного бахтинского окружения из Института мировой литературы. Окружение, по счастью, поддержало «Диалог. Карнавал. Хронотоп», вошло в его редколлегия, предоставило в первый же номер статью и, как казалось, получило новый надежный рупор. В. В. Кожин, например, просил Панькова не публиковать материалы П. Н. Медведева (ДКХ, №1, 2001, с. 12), так как кожиновский «авантюрный роман» о Бахтине (ДКХ. 1992. № 1, с. 109) по заложенной в нем фабуле не совпадал с данными семейного архива ближайшего друга Бахтина. Но случилось иначе: по-бахтински и по-паньковски. Статья сына Медведева о бахтинском Круге — «Нас было много на челне...» — появилась в первом же номере нового журнала (1992, № 1). То же произошло, когда Паньков, стремясь во что бы то ни стало добиться истины в искусственно созданной, но искусно разыгранной и в интересах известных кругов раздуваемой версии так называемых «спорных текстов» (а ведь от этого зависело направление целой научной дисциплины!), с нетерпением ждал ответа на уже набранные статьи Вяч. Вс. Иванова и В. В. Кожина, даже задерживая выпуск очередного номера, так как третий автор — после знакомства с чудесными «откровениями» двух предыдущих — очутился в больнице с инфарктом и смог представить свой текст лишь с опозданием (1995, № 4).

Когда Панькову было предложено написать книгу о Бахтине для серии «Жизнь замечательных людей», он очень воодушевился, но, обдумав, отложил эту работу, считая многое в жизни и трудах Бахтина еще непроясненным и требующим дополнительных исследований. Как это контрастирует со скороспелыми бахтинскими антологиями, особенно последней, беспомощно «критической», поспешно адресованной «всем, для кого русская интеллектуальная культура XIX-XX вв. еще не сказала своего последнего слова» (М., 2010, с. 4). «Последним словом» в ней являются поминки по серьезному — свободному от «ограниченных трактовок» (М. Бахтин) — бахтиноведению. По словам ее состави-

теля, «время международных Бахтинских конференций прошло» и бахтинология должна оставаться уделом «немногих» (с. 21) — узкого круга лиц, словом, все той же печально известной в науке «артели интеллектуалов». Вот ее последние «научные достижения». Из краткого хронографа, перенесенного в новую антологию из «Бесед М. М. Бахтина с В. Д. Дувакиным» (М., 2002), исчезли даже скромные констатации, что «степень и форма участия» М. М. Бахтина в текстах его коллег «остаются спорным вопросом» (с. 376). Не замечены многие весьма существенные работы о Бахтине и его «Круге», частично отмеченные в публикуемом ниже докладе. Не учтены выводы ряда серьезных энциклопедических изданий (таких, как «Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века.» Антология. М., РГГУ. 2003), где П. Н. Медведев и В. Н. Волошинов представлены как самостоятельные авторы публикуемых в ней текстов (С. 591, 553), а не как марионеточные «псевдонимы Бахтина». Социологическая поэтика бахтинского круга, являющаяся плодотворным этапом научного литературоведения, всерьез приравнена к комичной издательской ситуации, которую не смог преодолеть Розениток-Хюсси (с. 11). Журнал «ДКХ», спецвыпуски журнала, витебские «Бахтинские чтения», в отличие от других, более скромных изданий, в библиографии (с. 419—420) даже не указаны...

Наиболее содержательные работы о Бахтине продолжают появляться в среде западных независимых исследователей. В польской двухтомной антологии, посвященной Бахтину и его окружению (Ja — Inny. Wokół Bachtina. Antologia. Red. Danuta Ulicka. Kraków. 2009), вышедшей почти одновременно с нынешней эпитафией, российская бахтинология предстает лишь как часть бахтиноведения. Ей невольно противостоит западное, в первую очередь британское направление, известное изучением не только системы взглядов философского лидера содружества, но и феномена бахтинского «мыслительного коллектива», «Круга Б. М. В.» (по определению проф. Б. Вотье), обозначающего проблематику бахтиноведения. Даже ранние, так сказать, «добахтинские» тексты П. Медведева служат такому подходу веским и законным основанием. Кэрил Эмерсон назвала этот путь «биобиблиографическим выздоровлением» бахтинистики, хотя это емкое, но слишком деликатное определение не отражает катастрофичности обилия псевдонаучной литературы, к тому же преступно оскорбительной для чести и достоинства всех троих авторов и друзей — Бахтина, Медведева, Волошинова, чего не дано уразуметь жертвам «образованщины». Составитель и редактор антологии, проводник главной, но агрессивной «бахтинской программы» (Бахт. сб., V, с. 326), к сожалению, сам участник контрафактного бизнеса «Лабиринта», послужившего массовой дезориентации читателей. Он вынужден поэтому, попирая факты и волю Бахтина, ценить его свой «круг», называть этот диалогический феномен «так называемым «кружком» и «псевдопроблемой» (с. 11), ссылаясь при этом на неоднократно осужденный в печати пиратский сериал своих коммерческих коллег, выступающих под маской бахтиноведов (С. II, 417). Некоторые ученые не скрывают, что потеряли интерес к Бахтину из-за навороченной вокруг него лжи. В этом смысле реальные, а не надуманные «поминки» по ответственному бахтиноведению сегодня не исключены. Даже для подготовки антологии не нашлось независимого, беспристрастно-го исследователя, хотя достойные люди в бахтиноведении еще не перевелись.

В «Вопросах литературы» (№ 1. 2011) появилось новое подтверждение обоснованности высказанных опасений. Перспектива теории и истории научной

поэтики здесь очевидна и без комментариев: «...разработана у нас А. Веселовским и А. Потебней, а вслед за тем — формалистами», а далее — нынешний теоретик, доктор филологических наук, проф. Н. Тамарченко, рассуждающий за Бахтина, приобщая его к своим представлениям и обстоятельствам. «Филология в лицах»!

Новому направлению, намеченному С. С. Аверинцевым: «И все же, и все же — чего-то все наши подходы не схватывают. Что-то остается за пределами наших рассуждений: секрет личности Бахтина. В известной мере он разделял этот секрет с теми, с кем его связывала... солидарность судьбы; связывала поверх всех барьеров личного разномыслия...» (ЛГ. 1995. № 46), — и самостоятельно развиваемому британским Бахтинским Центром в плодотворном творческом союзе с рядом исследователей из России, Белоруссии, Украины, США, Финляндии, Франции, Канады, Швейцарии, Польши и других стран, немало способствуют труды и публикации Н. А. Панькова, его «Бахтинские чтения», кругозор его ставшего знаменитым журнала.

Публикуемая ниже статья полностью соответствует содержанию пленарного доклада на XIII Международной Бахтинской конференции (Канада, 2008)¹. Текст дополнен лишь несколькими ссылками на публикации, появившиеся позднее.

Казалось бы, понятия «полифония» и «диалог» изучены в бахтинистике досконально. Достаточно назвать сборник «Бахтинский тезаурус», изданный в Москве при поддержке и участии Университета им. Лавала (Квебек. Канада) с обстоятельной статьей «Полифония», где научно-философское определение полифонии сопоставляется с музыкальной полифонией, что вполне правомерно. Но существует полифония, которая должна быть замечена и рассмотрена ранее других — в психологии творчества самого Бахтина, указывающая на потребность и даже необходимость «круга», который бы способствовал жизненной реализации способностей и творческой самобытности самого Бахтина. Вот его известное автопризнание:

«Я же во всем слышу голоса и диалогические отношения между ними», — написал он в своей последней, итоговой работе «К методологии гуманитарных наук»². Кроме диалогичности самого бахтинского мышления в пространстве персонального кругозора, его всю жизнь сопровождали различные тесные философские и литературные сообщества, социально релевантные вышеприведенному суждению: юношеский кружок «Омфалос», Невельский кружок, наконец, «Круг Бахтина» в Витебске и Петрограде — Ленинграде — уже не кружок, а Круг, потому что «полифония» (несмотря на метафоричность этой бахтинской категории) здесь стала не просто «событием», а нашла свое «тело» — воплощение в научно-философских трудах, ставших памятником эпохи.

---

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта 06-04-00-160а Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

² Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 372 (Курсив М. М. Бахтина). См.: Shepherd, David. "A feeling for history? Bakhtin and "The problem of great time". Slavonic and East European Review. 2006. № 84/1, С. 35.

«Вокруг меня был круг, который называют сейчас «круг Бахтина»³, — сказал Бахтин Дувакину. В той же беседе, говоря о другом круге — круге символистов — Бахтин как бы развил свою мысль, сообщив ей философский смысл: «Они были в одном лагере, в глубоком смысле этого слова. В одном лагере. ... И должна быть многоголосость. Многоголосость должна быть — и она была. И в этом сила как раз, в этом сила, что в пределах вот... могли развиваться очень разные дарования и очень разные мировоззрения»⁴. Нет ничего удивительного в том, что и авторы известных монографий⁵, несмотря на глубинную общность их концепции, придерживались разных мировоззренческих установок и стилей. Все это говорит о том, что знаменитая диалогическая доктрина Бахтина была стимулирована не только творчеством Достоевского, как об этом однажды писал С. С. Аверинцев, но и «многоголосием» собственного Круга. В этом, на наш взгляд, смысл подхода к изучению феномена «Круг М. М. Бахтина». Местом возникновения этого Круга он назвал Витебск⁷.

Первое из известных нам характерных бахтинских суждений о Круге относится как раз к витебскому периоду — к началу его научной и писательской деятельности: «Петь голос может только в *теплой атмосфере*, в атмосфере возможной хоровой поддержки, принципиального *звукового неодиностовства*»⁸ (курсив Бахтина). В этих признаниях — в начале и в конце творческой деятельности Бахтина — коренятся истоки той философско-эстетической полифонии, без всестороннего осмысления которой не может считаться полноценным исследование бахтинского «тезауруса». К этим истокам необходимо присоединить религиозный план, который отчасти рассмотрен проф. И. А. Есауловым в статье «Полифония и соборность» (М. М. Бахтин и Вяч. Иванов) в том же московско-канадском сборнике и интересную работу А. А. Казакова «Полифония как живое понятие»⁹.

Сейчас уже появились статьи, авторы которых находят противоречие между «полифонией» и «диалогом», но именно на примере «многоголосия» творчества Круга очевидны их единство и непротиворечивость. Без этого «события» жизни и творчества Бахтина его философская полифония не может быть адекватно понята. Так, творчество Александра Блока, насквозь автобиографичное (как признавал он сам, называя свои сочинения дневником), не может быть вполне понято в отрыве от жизни и психологии его творца. Если пример творчества лирического поэта — заведомо монологичный — в нашем случае не может считаться адекватным, послушаем другие

³ М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным. М., Согласие, 2002, С. 161

⁴ М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным, С. 104.

⁵ Имеются в виду книги: *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928; *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1929; *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929.

⁶ См.: В. Н. Волошинов. (Биографический очерк) // *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. Вступ. статья Н. Л. Васильева. Сост., редакция, библиография, примечания и указатели Д. А. Юнова. — СПб.: Аста-Пресс, 1995. С. 5—22; «Искусство и жизнь — не одно, но в пределе...». П. Н. Медведев // *Знаменитые университеты.* Т. II. СПб, 2003, С. 383—403.

⁷ *Бахтин М. М.* Беседы с В. Д. Дувакиным, С. 161.

⁸ *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Собр. соч.*, т. 1, С. 231.

⁹ *Казаков А. А.* Полифония как живое понятие // *Бахтинские чтения*, III, Витебск, 1998, С. 104—115.

«голоса»: например, Ницше, который глубоко интересовал Бахтина, в том числе и в связи с его будущим понятием полифонии. «Автобиография» Ницше (Ессе homo), — писал Павел Медведев в петроградском журнале «Против течения» в 1911 году, — является пролегоменами к философии Ницше: «В ней и только в ней Ницше считается со своими слушателями и, сойдя с горных высот, где проповедовал Заратустра, разъясняет им его пафос и символику»¹⁰. Эту же мысль утверждает Ф. Сейферт: «Он отождествлял себя с образом Заратустры. ... В этом отождествлении слились в удивительно тесную связь судьба Ницше и его определенная философская концепция»¹¹. О философии Ницше Бахтин делал доклады в Витебске¹².

«Витебский ренессанс», как теперь принято называть этот период в истории культуры, одной из составляющих которого было мысле- и жизнетворчество «Круга», насытил творческую атмосферу города заметным разнообразием проблем и принципов творчества: коллективного (УНОВИС, школа Казимира Малевича) и индивидуалистического (Марк Шагал). На эти темы делались доклады: «Право на одиночество» Шагала (декабрь 1918); «Доклад о коллективном творчестве» (Уновис, 6. 04. 20), «О Я и коллективе» (Доклад Малевича, Народное училище, 3 мая 1920). Идея «коллективного разума» была основополагающей не только у будущих формалистов: Шкловский, Тынянов, Jakobson. Она отчетливо проявила себя в полифонии бахтинского Круга: «Мы работали в самом тесном творческом контакте»¹³, — скажет Бахтин, к мнению которого сторонники бахтинского канона, к сожалению, давно перестали прислушиваться.

Понятие Круга Бахтина как диалога суверенных сознаний получило распространение еще при его жизни. Оно обычно распространяется на тех его друзей и единомышленников, кто участвовал в создании «общей концепции языка и словесного произведения»¹⁴, которая отличает труды Медведева, Волошинова и Бахтина, сохранившего, по его словам, верность ее основным принципам. В российское бахтиноведение это понятие ввел академик С. С. Аверинцев, единственный литературовед нового поколения, с которым Бахтин в последней своей работе — «К методологии гуманитарных наук» — вступил в диалог — согласие. Это не случайное событие, оно свидетельствует о близости и определенной сопоставимости духовного и научного кругозора ученых. Вот почему суждение Аверинцева о Круге значительнее и авторитетнее других суждений. Например, суждения о так называемой Невельской школе философии, которой сторонники бахтинского канона стараются заполнить лакуну, образовавшуюся вокруг Михаила Михайловича после фактического упразднения ими Круга, ставшего ненужным в

¹⁰ Медведев Павел. Рец. на: Фр. Ницше. Автобиография (Ессе homo). Перевод с немецкого и пред. Ю. М. Антоновского. СПб. 1911 // «Против течения». № 7, 1911, С. 4.

¹¹ Fr. Seifert, C. G. Jungs Lehre von Unbewuzten und den Archetypen // "Universitas", IX, 8, 1954 (Цитируем по: Философский словарь. (Для научных библиотек). Сокращ. перевод с немецкого. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961, С. 408).

¹² См.: Timeline // The Bakhtin Circle in the Master's absence. MUP, 2004, p. 259. На русском языке: Медведев Ю. П., Медведева Д. А. Труды и дни Круга М. М. Бахтина // «Звезда» (С.-Петербург), 2008, № 7, С. 198.

¹³ Письма М. М. Бахтина // М., «Литературная учеба». 1992, кн. 5—6, С. 145.

¹⁴ Там же.

случае версии единоличного бахтинского авторства. Аверинцев же полагал, что выходящему сейчас в России собранию сочинений Бахтина следовало бы дать «в целом заглавие: «Бахтин и его Круг», либо работы Медведева и Волошинова издать отдельно как «приложение» к этому многотомнику¹⁵.

В ответ на прямой вопрос о его авторском участии в работах Круга Бахтин сообщил В. Кожину: «Должен особо отметить, что наличие творческого контакта и совместной работы не лишает самостоятельности и оригинальности каждую из этих книг»¹⁶. (Имелись в виду известные монографии Медведева, Волошинова и самого Бахтина).

Попытаться определить хотя бы частично, хотя бы условно — в силу крайней фрагментарности архивного материала — идейный и научный потенциал участников «Круга», их вклад в «событие» полифонии, в «тело» этой метафорической, но вполне социальной и творческой категории, в учреждающий ее диалог — интригующая и важная задача бахтиноведения. Но она может быть успешно выполнена «только в зеркале абсолютного сочувствия» не только к автору этих слов — Бахтину, но и к каждому из участников Круга. Но «сочувствие» к единомышленникам и соавторам Бахтина сегодня все еще в большом дефиците, хотя весь обширный рукописный архив Медведева конфискован и уничтожен НКВД¹⁷, а сохранением архива Волошинова, умершего от туберкулеза в 1936 году, никто всерьез не озаботился. Но обратимся к опубликованному.

Неизвестная ранее статья-рецензия Медведева «К теоретическому обоснованию неоимпрессионизма. Книга Поля Синьяка», напечатанная в петербургском журнале «Новая студия» в 1912 году¹⁸, приближает нас к решению задачи, она разрушает давнее и устойчивое заблуждение, что критический подход к основам так называемой «материальной эстетики» в работах Круга исконно принадлежит М. М. Бахтину. В доказательство приводится его статья «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве», написанная в 1924 году (опубликованная в 1975-м), посвященная — и это всячески подчеркивается комментаторами — «вопросам методологии эстетики словесного творчества». Но по исходной методологической предпосылке статья Бахтина совпадает с работой Медведева 1912 года, писавшего уже тогда: «... Велико, конечно, значение формы и, без всякого сомнения, художник обязан знать законы своего материала. Но все это, подобно проповеди научной поэзии Рене Гиля и Вал. Брюсова, составляет, так сказать, *нижний план* творческого колдовства. Выше и вверх — ... тот вихрь индивидуального воскрытия, хмельного порыва к небу, которым *благословенно всякое великое и настоящее художество*». (Курсив здесь и далее наш. — Авторы). Бахтин в 1924 году также пишет о том, что «матери-

¹⁵ Аверинцев Сергей. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // «Дружба народов», № 3, 1988, С. 259.

¹⁶ Письма М. М. Бахтина // М., «Литературная учеба». 1992, кн. 5—6, С. 145.

¹⁷ Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917—1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003, С. 288, 290, 310.

¹⁸ Медведев П. К теоретическому обоснованию неоимпрессионизма. Книга Поля Синьяка // СПб. «Новая студия». 1912, № 9, С. 14—15. Эта статья, наряду с другими работами Медведева 1912 года, открывает 1 том библиографии М. М. Бахтина и бахтинского Круга, подготовленной и изданной в Англии: The annotated bakhtin bibliography by Carol Adlam and David Shepherd. Maney publishing for the Modern Humanities research association. London. 2000, P. 3.

альная эстетика не осознает с достаточной методической ясностью своего вторичного характера и не осуществляет до конца предварительной эстетизации своего объекта, поэтому она никогда не имеет дела с эстетическим объектом в его совершенной чистоте и принципиально не способна понять его своеобразие. Дальше произведения как организованного материала она — согласно своей основной предпосылке — пойти не может»¹⁹. Заметим вскользь, что по методологическим предпосылкам, по обращению к трудам западно-европейского искусствоведения (в данном случае — французского), по сопоставлению проблематики изобразительного и словесного искусства, по характеру оценки вклада западных искусствоведов в теорию творчества, как и по самому тону, ранняя медведевская статья²⁰ уже напоминает будущую монографию «Формальный метод в литературоведении». И это естественно: ведущие темы и идеи проходят через всю жизнь и творчество их авторов. Позднее метафорические и религиозные формулировки статьи 1912 года у Медведева сменились эстетическими, как это очевидно, например, из опубликованной теперь программы курсов его лекций 1919—20 гг. в Витебске²¹, где уже осмыслен «эстетический объект», или из предваряющей монографию «ФМ» статьи «Ученый сальеризм» (1924), где мысль, переключаясь со статьей 1912 года, Медведев выражает так: «Такова теоретическая база формального метода. Без труда узнаются тут основоположения материальной эстетики, получившей довольно широкое развитие в современном европейском искусствознании»²². Эта смена кода, пережитая Медведевым лично и отчетливо им обозначенная в январской статье 1917 года, переизданной в 2003 г.²³, посвященной «Смыслу творчества» Бердяева, не могла пройти бесследно мимо Бахтина, чуткого к голосу собеседника, а Медведев был его «ближайшим другом того времени»²⁴.

В упомянутой программе курсов витебского курса лекций Медведева в разделе «Поэзия и проза» встречаем понятие «полюсы слова». Тезисы Медведева о «материальной эстетике» в статье о Поле Синьяке, как и смена религиозных понятий на эстетические в его раннем творчестве, выражаясь фигурально, являются как бы одним из «полюсов» того бахтинского «двухголосого слова», которое, по определению Людмилы Гоготшвили, сформировало лингвистическую базу бахтинской полифонии²⁵. В свете диалогического контакта между Медведевым и Бахтиным это наше предположение

¹⁹ М. М. Бахтин. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003, С. 276, 279.

²⁰ Статью см. ниже.

²¹ Медведев П. Н. Краткие программы курсов: истории русской литературы XX века, теории поэзии и прозы, теории художественного творчества (1919—1920 гг.) на русском и английском языках // Proceedings of the XII International Bakhtin Conference. Jyväskylä, Finland, 18—22 July, 2005, P. 19—22; P. 31—33; на русском языке: Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева. Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» // «Звезда», 2006, № 7, С. 197—8.

²² Медведев Павел. Ученый сальеризм (О формальном (морфологическом методе) // «Звезда», 1925, № 3, С. 66.

²³ К 110-летию со дня рождения П. Н. Медведева: Медведев Павел. Русский Бранд // М. М. Бахтин в контексте мировой культуры. Специальный выпуск «ДКХ», 2003. № 1—2 (39—40), С. 193—199.

²⁴ М. М. Бахтин: Беседы с В. Д. Дувакиным, С 215.

²⁵ Бахтинский сборник. V. М., 2004, С. 338.

дает многое. Становится яснее, почему «Философия поступка» была написана Бахтиным в Витебске, а не в Невеле. Почему Медведев, сам переживший смену религиозных категорий на эстетические, активно поддержал работу Бахтина в созданном им журнале «Искусство» (в известной информации²⁶ об этом трактате, ставшей единственным свидетельством о времени и месте его написания). Наконец, характер самой проблемы: она в это время была не только эстетической (в постсимволистский период, например, религиозные аспекты теории монодрамы были также эстетизированы²⁷), но сейчас само новое время требовало нового решения и знакового оформления. Здесь позиция Бахтина, совпавшая с Медведевым по отношению к «материальной эстетике», как бы снова совпадает, но уже с его идеологической позицией, склонявшейся к философскому материализму. В разговоре со следователем, к которому Бахтин относился с трудно объяснимым доверием²⁸, он это выразил так: «Лекционная деятельность моя и моих друзей, — сказал он в начале 1929 года, — явилась выражением известных умственных исканий и умственного беспокойства, порожденных необходимостью выработать новое для нас, адекватное социальной действительности тревог и материалистического мировоззрения (*так!*). Процесс этой выработки для нас, людей умственно уже созревших и обладавших большими и разносторонними теоретическими познаниями, не мог быть процессом пассивного и легкого усвоения элементов готового мировоззрения, он неизбежно должен был принять характер трудной и тяжелой работы по переоценке и проверке всех своих знаний и убеждений»²⁹. Это свидетельство достаточно точно воспроизводит эволюцию если не самого Бахтина, то Круга, к которому он принадлежал в те годы.

Другая, только что найденная нами работа — небольшая библиографическая статья Медведева 1911 года (посвященная двум новым переводам, вышедшим в Москве в том же году — уже упомянутой нами «Автобиографии» Ницше и книги Гюстава Лансона «Метод в истории литературы» в переводе М. Гершензона), в которой он пишет: «История литературы как наука или по крайней мере «научообразная» дисциплина, с точными границами своего предмета и собственным методом — об этом начали говорить только в последние годы под влиянием трудов школы Потевни и Веселовского»³⁰. Словно в преддверии работ круга Бахтина, да и круга формалистов, прославившихся «спецификаторством», о необходимости установления в литературоведении «границ своего предмета и собственном методе»³¹ в 1911 году заговорил 19-летний студент-юрист Павел Медведев. (Отметим попутно, что современный автор статьи о «методе» (В. Д. Сквозников) в энцикло-

²⁶ «Искусство» (Витебск), 1921, № 3, С. 23.

²⁷ См.: Евреинов Н. Н. Введение в монодраму. СПб, 1909.

²⁸ М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным, С. 164. Именно этот следователь (Стромин) предложил осудить Бахтина на три года исправительных лагерей, наряду с гораздо менее значительными сроками для других участников группы «Воскресение», см.: Медведев Ю. «Воскресение». К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4, С. 82—157.

²⁹ Архив ФСБ по Ленинградской области. Следственное дело «Воскресения» (д. 14284, т. 3, л. 7).

³⁰ Статью см. ниже.

³¹ Там же.

педическом словаре литературных терминов, вышедшем в Москве в 2003 г., определяет понятие «метода в литературоведении» как преимущественно советский вклад в поэтику, не упоминая работы Лансона, ее нет даже в его библиографии). Медведев же, отвечая на вопросы анкеты Института истории искусств в 1924 году, сообщил, что его «мысль наиболее часто переключается с А. Н. Веселовским, Оск. Вальцелем, Г. Лансоном, Ап. Григорьевым и В. М. Жирмунским»³²). В опубликованном на русском и английском языках³³ курсе лекций Медведева в Витебске эти «границы предмета» приобрели для него уже четкие эстетические очертания («художник-творец», «эстетический объект», «контрагенты творчества»), а рукопись «Методологические предпосылки истории литературы»³⁴, созданная им в это время, подвела предварительный, но закономерный итог определенному этапу в построении «общей», по слову Бахтина, теории словесного творчества, которой Круг начал заниматься. Эти факты дают все основания считать, с не меньшим основанием, чем блестящие философско-лингвистические интенции Гоготишвили, что на занятия теорией литературы философ Бахтин переключился в Витебске после общения «в теплой атмосфере» и не без «хоровой поддержки» литературоведа и критика П. Н. Медведева. Это явствует из писем Бахтина, сменившего тематику своих исследований, к Кагану: «В последнее время я работаю почти исключительно по эстетике словесного творчества» (20 февраля 1921 г.); «много работаю, особенно по эстетике и по психологии» (март 1921 г.); «сейчас я пишу работу о Достоевском, которую надеюсь вскоре закончить, работу „Субъект нравственности и субъект права“ пока отложил...» (18 января 1922 г.)³⁵. Это были новые, не оговоренные в Невеле, темы и проблемы. Еще в сентябре 1919 года, когда в Пролетарском университете и Народной консерватории по приглашению Медведева со своими одноименными философскими докладами «Роль личности» выступали Бахтин, Каган и Пумпянский, накануне с лекцией «Личность Герцена» выступил Медведев³⁶. Философский дискурс докладов невелинцев с самого начала натолкнулся на литературоведческий и эстетический дискурс Медведева. Почти за год до выхода невелинского альманаха «День искусства» со статьями Бахтина и Кагана о взаимоотношении жизни и искусства той же теме в ноябре 1918 г. посвятил доклад Медведев, в своем обычном двуедином аспекте: «Тургенев как человек и писатель»³⁸ (кстати, один из важнейших теоретических выводов в «ФМ» делается на примере тургеневского творчества). При постоянных встречах и беседах медведевский контекст

³² Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 172, № 550, л. 1.

³³ См. сноску 21.

³⁴ См.: *Hirschkop Ken*. Mikhail Bakhtin. An Aesthetic for Democracy. New York: Oxford UP, 1999, P. 146.

³⁵ Все эти письма опубликованы: «Память»: Исторический сборник. Вып. 4. Париж: ИМКА-Пресс, 1981. С. 257—264, а также в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1992. № 1. С. 66—72).

³⁶ См.: Хронограф // Шатских А. С. Витебск. Жизнь искусства. 1917—1922. М.: Языки русской культуры, 2001, С. 236.

³⁷ Впервые на французский язык статья М. М. Бахтина «Искусство и ответственность» переведена Патриком Серио в 2008 году. См.: *Langage et pensee; Union Sovietique annees 1920—1930. Cahier n 24, 2008. Numero edite par Patrick Seriot et Janette Friedrich. Universite de Lausanne. Suisse, P. 281—283.*

³⁸ Хронограф // Шатских А. С. Витебск. Жизнь искусства, С. 229.

в творчестве Бахтина и Волошинова начинает все более утверждаться, перейдя в практические занятия теорией литературы, как философский — в творчестве самого Медведева: «Дорогому другу и учителю», — надписал он свою фотографию, подаренную им в 1921 году «марбургскому философу» Кагану³⁹. Этот период был приглашением Бахтина и Волошинова к диалогу на главные темы теории литературы. При этом инициатор этого приглашения выступил основоположником ряда методологических предпосылок и теоретических основ «общей» концепции словесного творчества, недаром в беседах с Дувакиным Бахтин назвал Медведева «теоретиком литературы»⁴⁰. В американской биографии Бахтина характер отношений между ними истолкован как «патронаж»⁴¹ Медведева над Бахтиным, но там упущен философско-эстетический, так сказать, «полифонический» аспект.

Исследователь исторической эстетики Бахтина проф. В. И. Тюпа в новаторской работе о «Передвижном театре»⁴² и его «Записках», которые, как он указывает, в последние годы, до их закрытия цензурой в 1924 году, «держались на Медведеве»⁴³, находит в этом издании важный контекст бахтинской мысли. Он пишет: «Духовная атмосфера, в которой вызревала мысль Бахтина, была насыщена идеями эстетического “жизнетворчества” <...> Вообще подобно тому, как причудливые “образы Рабле окажутся у себя дома в тысячелетиях развития народной культуры”, многие проблемы, идеи и даже словоупотребления Бахтина (архитектоника, художественное задание, эстетический объект и внешнее произведение, ренессансное народное тело, несовместимость поэтики Достоевского с обычными эстетическими представлениями, типология способов поведения как речевых масок автора, всегда “облеченного в молчание” и многое другое) оказываются “у себя дома” на страницах “Записок Передвижного Театра”⁴⁴. (Отметим также, что эти и многие другие, казалось бы, «чисто бахтинские» словоупотребления — типа когеновского: «не дан, а задан» — мы встречаем в текстах Медведева 1911—1917 годов, за много лет до его встречи с Бахтиным (об этом подробнее можно прочитать в статье Ю. П. Медведева «Бахтин для бедных» в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (№ 1, 2000, с. 110—126), см. также статьи П. Н. Медведева о Льве Толстом (“Звезда”, 2010, № 11).

Последовательная критика «материальной эстетики», начатая Медведевым

³⁹ Эта фотография сохранилась в архиве семьи Каган.

⁴⁰ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным, С. 222.

⁴¹ Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, London. 1984, P. 50.

⁴² Он пишет о Передвижном театре: «Живой, энергичный ключ культурной жизни, который по своим интенциям должен быть причислен не к авангардистам (Мейерхольд) и не к завершителям классической художественной парадигмы (Станиславский), но — вместе с акмеистами, Эллиотом, Рильке, Скрябиным, Ван-Гогом и им подобными до Иосифа Бродского включительно — к неотрадиционализму как одному из магистральных путей искусства нашего столетия» (В. И. Тюпа. В поисках бахтинского контекста («Записки Передвижного театра») // Дискурс. 1997. № 3—4 С. 189—208).

⁴³ Тюпа В. И. В поисках бахтинского контекста («Записки Передвижного театра») // «Дискурс». 1997, № 3—4. В эту фундаментальную работу вкралось несколько недостоверных сведений о творческой биографии П. Н. Медведева, которой в полном объеме во время написания статьи автор не располагал.

⁴⁴ Тюпа В. И. В поисках исторической эстетики (уроки М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин Проблемы научного наследия. Межвузовский сборник научных трудов. Изд. Мордовского университета, 1992, С. 37—38.

еще до появления сборников ОПОЯЗа, разработка концепции знака до появления отечественной семиотики⁴⁵ (его настоятельный призыв к изучению действительности знака в жизни и творчестве художника мы находим в статье 1917 года о Пушкине⁴⁶) продолжалась на лекциях в Пушкинском Доме, в Институте имени Герцена, в ИЛЯЗВе, позднее — в ЛИФЛИ, Университете и Академии искусствознания, где он вел семинар для аспирантов, в секции критики Всероссийского Союза писателей, председателем бюро которой его избрали в конце 20-х годов и которая была распущена после массовой атаки в печати⁴⁷. Известный филолог, член-корр. Академии наук А. В. Десницкая, учившаяся у Медведева, вспоминала его лекции и семинарские занятия с большим интересом. Закономерно, что самая крупная и самая продуманная работа П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» явилась органичным выражением и развитием тех научных положений и принципов, которые увлекли 19-летнего литературного критика в 1911 году, в самом начале его творческого пути. Об этом же свидетельствует его собственноручный конспект двух работ В. Чудовского (1915 и 1917 гг.), талантливого критика журнала «Аполлон», в которых Медведева привлекли идеи, близкие его теории (об этом в «Бахтинских чтениях». 1. Витебск. 1996, с. 68—70).

Петроградский период творчества Круга проходил в тесном контакте с Научно-исследовательским институтом сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), где почти одновременно — штатно и сверхштатно — поработали почти все крупные филологи и литературоведы Петрограда — Ленинграда того времени. В ИЛЯЗВе Медведев сделал ряд докладов по теории и методологии литературы, в результате которых одной из ведущих программ института стала социологическая поэтика, а Коллегия ИЛЯЗВа поручила ему — сверхштатному научному сотруднику 1-ого разряда — совместно со штатным действительным членом института В. Ф. Шишмаревым (учеником академика А. Н. Веселовского) организовать и возглавить секцию социологической поэтики, в которую вошли И. И. Иоффе, М. А. Яковлев, В. Н. Волошинов и другие сотрудники института⁴⁸. В сентябре 1928 года по представлению Коллегии ИЛЯЗВа монография Медведева «ФМ», создававшаяся в атмосфере «Круга» и научной среды ИЛЯЗВа⁴⁹, была рекомендована к

⁴⁵ Нельзя не отметить научный характер библиографических сведений в разделе «Литература» книги Вяч. Вс. Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР», опубликованном в Интернете в 2006 году (с указанием: «2006. Ссылка на электронный оригинал желательна»), где работы В. Н. Волошинова и книга П. Н. Медведева указаны в соответствии с оригиналами, что выгодно отличает эту работу от других, где библиографические сведения об этих работах подаются в искаженном виде. http://philologos.narod.ru/semiotics/ivanov_lit.htm

⁴⁶ Павел Медведев. Об изучении Пушкина // «Бессарабская жизнь». 1917, № 27, С. 2.

⁴⁷ См.: Л. В. Активаторы буржуазной критики разоблачены. Критическая секция ЛО ВССП распущена. «Красная газета», № 302, 23 декабря 1931, с. 3. (Автор под инициалами «Л. В. « пишет: «Медведев не нашел нужным даже дать критический разбор последних ошибочным выступлениям на последних дискуссионных собраниях... — Я не намерен, — сказал он, — продолжать покаинную неделю (!)»).

⁴⁸ Архив РАН, филиал в СПб, фонд 302, опись 1, ед. хр. 14, л. 28.

⁴⁹ См.: Васильев Н. Л. Лингвистическое содержание книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2009. № 2(42), С. 28—50.

печати в Госиздате (письмо ИЛЯЗВа в Госиздат датировано апрелем 1928 г.). Публикацией книги «Формальный метод в литературоведении» ИЛЯЗВ начал издание новой серии трудов по «Вопросам методологии и теории языка и литературы». Вскоре по выходе книги исполняющий обязанности директора ИЛЯЗВа Л. П. Якубинский в 1929 году направил 15 экземпляров «Формального метода» для ознакомления в зарубежные научные организации, с которыми существовали отношения обмена изданиями. Монография Виктора Эрлиха «Русский формализм: история и теория», впервые вышедшая в 50-ые годы в США, в которой широко цитируется и, с позиции сторонника формального метода, во многом компетентно оценивается «ФМ», вероятно, была результатом еще того знакомства с книгой, также как и републикация этой книги в виде университетского микрофильма в 60-х годах (University Microfilms, Inc. Ann Arbor). Творческая личность Медведева была оценена его коллегами по работе, среди которых были такие требовательные ученые, как Л. Якубинский, В. Жирмунский, В. Шишмарев, М. Азадовский, Б. Эйхенбаум, И. Иоффе, И. Франк-Каменецкий, В. Десницкий (председатель бюро секции методологии литературы ИЛЯЗВа, членом бюро которой состоял и Медведев), считавший, что «Формальный метод в литературоведении» — «наиболее ценная работа Медведева» и что она «проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих [Десницкого] указаний и советов»⁵⁰.

В 1929 году Медведев был инициатором и участником коллективной темы секции социологической поэтики «Палеонтология и социология эпоса», в которой приняли участие Л. Богаевский, О. Фрейденберг, В. Шишмарев, Н. Державин, И. Франк-Каменецкий⁵¹, вместе с В. Шишмаревым, — коллективной темы «Социология жанров»⁵² и ряда других.

Это не значит, что у Медведева в научной и литературной среде Ленинграда не было научных противников, завистников и просто недоброжелателей. Исследователь и критик, начавший свою деятельность с противостояния формальному методу, а после выхода «ФМ» удостоившийся славы его «разрушителя» («сам разрушитель формального метода», — выражая мнение литературных кругов того времени, писал о нем Эрих Голлербах в «Городе муз»⁵³, вышедшем в начале 1930 года), заставивший самого Шкловского усомниться в правоте своей теории, как явствует из его переписки с Тыняновым⁵⁴. Необходимо лишь помнить, что все это происходило еще до известного «перелома» в государственной политике и официального идеологического похода на формализм. Одной из первых жертв развернувшейся кампании против формализма стал сам Медведев вскоре после выхода «ФМ». Сейчас эта ситуация изучена сотрудниками Института русской литературы (Пушкинского дома) по сохранившимся в архиве института материалам, в

---

⁵⁰ Письмо В. А. Десницкого в защиту П. Н. Медведева, направленное в НКВД в 1940 г // Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева. Павел Медведев, Людвик Флек, Михаил Бахтин и другие (К теории мыслительного коллектива) // М. М. Бахтин в контексте мировой культуры / Специальный выпуск: «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2003, № 1—2 (39—40), С. 216.

⁵¹ ЦГАЛИ СПб, ф. 302, оп. 1, дело 270, л. 10.

⁵² ЦГАЛИ СПб, ф. 302, оп. 1, дело 270, л. 8.

⁵³ Голлербах Э. Город муз. Л., 1930, С. 11—12.

⁵⁴ Письмо Ю. Н. Тынянова В. Б. Шкловскому. 1929 г // «Согласие». М. . 1995, № 30, С. 201.

частности, заседания секции критики РАППа в феврале 1932 г., на котором с признанием своих ошибок пришлось выступать Медведеву, через 2 года после добровольной (хотя, конечно, тоже вынужденной) статьи Шкловского «Памятник научной ошибке» в «Литературной газете». «Грустное впечатление оставляет покаянное заявление П. Н. Медведева», — пишет издатель серии новых сборников Пушкинского Дома «Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов» профессор В. П. Муромский, — но оно объясняет, как «ФМ» превратился в «Формализм и формалисты»⁵⁵. Медведев и в этой покаянной по жанру речи пошел в наступление, сказав, что лучше своих обвинителей понимает свои ошибки, что он не отрекается от критики формализма, но признает, что эту критику он вел на его же территории: «...Принцип имманентности, помноженный на мои общеметодологические ошибки, обузил... мою критику формализма. Остались неразрешенными все проблемы, выходящие за «имманентные» границы — *проблемы классовой природы формализма, его философских корней и т. д.*»⁵⁶ (курсив наш. — Авторы). Проф. А. И. Михайлов, автор публикации и содержательного комментария⁵⁷ к этому факту биографии Медведева, перечисляя разгромные выступления против него, не назвал самое главное из них, которое грозило запретом публиковаться и неминуемым арестом: запланированный персональный выпад тогдашнего главы РАППа Фадеева против Медведева на «производственном совещании критиков» этой организации, окрестив его, единственного из ленинградских критиков, «ликвидатором пролетарского искусства»⁵⁸. Но как только непосредственная опасность, как ошибочно показалось Медведеву, миновала, он сразу же вернулся к своей главной книге: в монографии «В лаборатории писателя», вышедшей в 1933 году, он снова ссылается (с. 22) на свою книгу «ФМ».

В начале 30-х начались пертурбации в ИЛЯЗВе, который был переподчинен Институту агитации имени Володарского. Вероятно, поэтому Волоши-

---

⁵⁵ Муромский В. П. Литературные объединения 1917—1932 гг. в России (проблемы изучения) // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов. Исследования и материалы. Книга 1. СПб.: Наука, 2002, С. 42. Автор этого предисловия ошибочно указывает, что Медведев входил также в РАПП, однако это не соответствует действительности. Медведев входил во Всероссийский Союз писателей, был членом его Правления с 1923 г. и в последнее время председателем секции критики. Но незадолго до создания Союза советских писателей (1934 г.) было принято решение об объединении крупных писательских организаций в ФОСП (Федерацию объединений советских писателей). Вот почему Медведеву пришлось отчитываться на враждебном собрании критиков РАПП. Но этот отчет дает исчерпывающее объяснение тому, как книга «Формальный метод» (1928) превратилась в «Формализм и формалисты» (1934). Попытки находить этому факту глубокомысленные филологические причины научно некорректны и исторически неграмотны (см. статью Н. Т. Тарарченко «М. Бахтин и П. Медведев» судьба «введения в поэтику» // Вопросы литературы, 2008, № 5, С. 160—184) и ответ на нее: Ю. Медведев. Жертвы «внезаходности» // Вопросы литературы. 2009, № 6, С. 163—203).

⁵⁶ Медведев П. Н. Формализм и формалисты. Л., Издательство писателей, 1934. С. 12.

⁵⁷ Покаянное выступление П. Н. Медведева на совещании критической секции Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (20 февраля 1932 г.). Публикация А. И. Михайлова // Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. Книга 2. СПб.: Наука, 2006, С. 103—115.

⁵⁸ А. Фадеев. Об одном споре всемирно-исторического значения. Заключительное слово на производственном совещании критиков РАПП 29 января 1932 г // «На литературном посту», 1932, № 5, С. 5.

нову не удалось защитить диссертацию, хотя оценки его как исследователя были высоки. Но Волошинову — штатному аспиранту, а потом штатному научному сотруднику ИЛЯЗВа — полагалось постоянно писать отчеты о своей работе: в архивах сохранилось его «аспирантское дело», опубликованное Н. А. Паньковым, переведенное на английский в 2004 году⁵⁹, и тезисы его докладов на секции социологической поэтики, сообщенные Д. А. Юновым на III Международных Бахтинских чтениях в Витебске (1998). Они дополняют представление об *общей* концепции Круга, указывают направление коллективной исследовательской мысли, как и последняя работа Бахтина «К методологии гуманитарных наук». Впервые опубликованная в этом году Крэйгом Брандистом на русском и английском языках краткая волошиновская рукопись — план «Опыта социологической поэтики»⁶⁰ — содержит ряд емких рабочих определений: «Художественная форма как система социальных оценок. Формообразующие и не образующие формы социальные оценки. Техника формы, обусловленная природой лингвистического материала. Биологические факторы формы (ритм). Проблема взаимоотношения формы и содержания. *Форма, как оценка содержания*» (Курсив здесь и далее наш. — Авторы).

Таким образом, впервые обоснованная Медведевым категория «социальной оценки»⁶¹, как и проблематика «взаимоотношений формы и содержания», составившая основу 1-ого тома конфискованного при обыске и аресте его трактата по тематике⁶², в отчетах Волошинова как бы находят *свой* вариант решения, хотя и отражают *общий* взгляд Круга.

В медведевской монографии социологическая поэтика представлена в так называемом апофатическом варианте — в отталкивании от принципов досконально изученной им формальной школы, занимавшей в литературоведении устойчивые и даже главенствующие позиции, в научном противостоянии ее методу на основе концепции, которая просматривается в его предшествующих статьях. И если О. А. Ханзен — Леве методологический и теоретический дискурс русского формализма выстраивает «на основе принципа остранения»⁶³, то дискурс социологической поэтики бахтинского круга можно реконструировать на основе глубинного, ценностно-ориентированного принципа «социальной оценки».

Доклады, сделанные Медведевым и Волошиновым в ИЛЯЗВе, обсужденные в квалифицированной и требовательной аудитории, свидетельствуют

---

⁵⁹ V. N. Voloshinov, 'Archival materials', in Craig Brandist, David Shepherd and Galin Tihanov (eds), *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence* (Manchester: Manchester University Press, 2004, P. 223—250 (226—250).

⁶⁰ V. N. Voloshinov, 'Opyt sotsiologicheskoi poetiki'/'An Essay in Sociological Poetics', published as a supplement to Craig Brandist, 'Sociological linguistics in Leningrad: the Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILJaZV) 1921—1933', *Russian Literature*, LXIII/II/III/IV (2008), 171—200 (Russian 190—192; English 193—195; quotation on 194—195, emphasis added).

⁶¹ Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928, С. 162—174 и далее.

⁶² См.: Медведев Ю. П. На пути к созданию социологической поэтики // «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 1998, № 2(23), с. 5—57, (С. 31).

⁶³ Ханзен-Леве Ое А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.

не только о самостоятельности их авторов, они характеризуют те аспекты теории, разработкой которых каждый из участников Круга был занят преимущественно. Медведевские доклады (из числа зафиксированных в не полностью сохранившихся протоколах ИЛЯЗВа): «Методологические предпосылки к теории художественного творчества», «О формальном методе»⁶⁴ (эти два доклада, синтезируя новые наблюдения, повторялись и в других научных аудиториях). Волошиновские: «Социологическая структура поэтической формы», словно предвещающий будущий структурализм (одновременно им подготовлен перевод «Введения» и 1-ой главы «Философии символических форм» Кассирера), доклад «Жанр и стиль художественного высказывания»⁶⁵. Бахтинские же категории того времени широко известны: «автор и герой», «двухголосое слово», теория диалога, «полифония» и другие. Перечисленные темы и аспекты составляют теоретическое «ядро» и «общей концепции» и известных монографий, они характеризуют тот вклад, который каждый из участников вносил в «общую теорию языка и словесного художественного творчества». Это не значит, что другие аспекты «общей» теории не были общими. У Медведева, например, в статье 1917 года «О Дневнике» Льва Толстого⁶⁶ мы уже встречаем акцент на будущей категории «общение», как и интенцию на идею «диалога» (между Толстым и русской интеллигенцией)⁶⁷. Одна из ранних рецензий Медведева построена как «внутренний диалог»: «О Надсоне. Диалог»⁶⁸.

Существует и другой важный для постижения творчества «Круга» ряд ответов: Медведев и Бахтин — оба выступали на блоковском вечере (см. лекцию Бахтина о Блоке, т. 2, с. 343) и статью Медведева «Умер Ал. Блок» («Искусство». Витебск. 1921, № 4—6, с. 2—3); в то время, когда Медведев вел семинарий по Достоевскому в Витебском институте народного образования (см. также его статью: «О литературном наследии Достоевского», Искусство, 1921, № 4—6, с. 49), Бахтин писал свою книгу о Достоевском, о чем Медведев же оповестил читателей в петроградской газете (журнале) «Жизнь искусства» (1922, № 33); Медведев был инициатором написания статей о «материальной эстетике» — своей статьи «Ученый сальеризм» (1924) и бахтинской «Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» (1924), заказанной ему, по рекомендации Медведева, журналом «Русский современник»; после ареста Бахтина последовала напряженная работа находившегося под следствием Бахтина совместно с Медведевым над доработкой и подготовкой к печати бахтинской книги «Проблемы творчества Достоевского», которую Медведев на свой страх и риск срочно издал в Госиздате («Прибое») в начале 1929 года; во втором издании этой книги Бахтин отказался от медведевской социологической терминологии, воспользовавшись понятиями исторической поэтики, более соответствующей обновленному содержанию книги 1963 года. Этот список «соот-

⁶⁴ Архив РАН, филиал в СПб, фонд 302, опись 1, № 15, л. 25; № 49, л. 67 и др.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ P. N. Medvedev. Tolstoi's Diary // The Bakhtin Circle in the Master's absence. Manchester University Press. 2004, P. 188—192. См. также сноску 64.

⁶⁷ Павел Медведев. <О Толстом> // «Звезда». 2010, № 11

⁶⁸ Павел Медведев. О Надсоне. Диалог // «Против течения». 1912, № 20, С. 2.

ветствий» можно и нужно продолжить, но это дополнительный, самостоятельный по объему сюжет.

Словом, было бы по меньшей мере странным считать «артель интеллектуалов» (как остроумно назвал «учредителей» и «охранителей» единоличного бахтинского авторства Сергей Земляной⁶⁹), более компетентной, чем участники секции методологии литературы ИЛЯЗВа того времени, известные миру своими оригинальными трудами, а не только личным знакомством с Бахтиным и сомнительным в данном случае преимуществом «внезаходимости». Рэндалл Коллинз, обративший особое внимание на «Михаила Бахтина и Павла Медведева», достигших «нового уровня рефлексивной изоциренности»⁷⁰, конечно, не имел возможности ознакомиться с волошиновскими рукописями, но архивные документы подтверждают справедливость его оценки, а их автора по праву относят к выделенным Коллинзом именам.

Мы постарались рассмотреть психологическое, социальное и творческое «лицо» бахтинской полифонии в рамках его Круга, нашли и контрапункт: авторы известных монографий, несмотря на глубинную общность их концепции, придерживались разных идеологических установок и стилей. Особенно это ощутимо при сравнении трудов самого Бахтина, создававшихся в Круге и вне Круга: в частности, его двух монографий о Достоевском. Феноменологическая установка Бахтина, философская широта и глубина его таланта, конечно, отличают его собственные труды от более прозрачных для читателя научных монографий Медведева и Волошинова, но все эти труды характеризует высокий уровень исполнения, заданный (пользуясь определением Коллинза) «интеллектуальным лидером» Круга и адекватный той концепции, которая роднит всех троих авторов. Фактор контрапункта проявил себя и в полемике: в статье «О границах поэтики и лингвистики» Волошинов возражает Медведеву по ряду тезисов его книги. На эту полемику одним из первых обратил внимание проф. И. Р. Титуник. Полемичен и поздний Бахтин по отношению к монографиям Медведева, Волошинова и своей собственной конца 20-х годов: «... Этой концепции языка и речи, изложенной в указанных книгах без достаточной полноты и не всегда вразумительно, я придерживаюсь и до сих пор, хотя за тридцать лет она совершила, конечно, известную эволюцию»⁷¹, — написал он в 1961 году.

В трудах и деятельности Круга отчетливо проявляются закономерности, отмеченные в работах Людвика Флека и Рэндалла Коллинза, посвященных социальной природе научного и философского творчества. Без учета основоположений этих трудов современное исследование мыслительного сообщества, каковым является Круг Бахтина, сильно обедняется. На эти труды мы опираемся в данной работе, как и в предшествующих статьях. С другой стороны: диалогический феномен «Круга Бахтина» целым рядом своих психологических и творческих проявлений подтверждает и даже обогащает наблюдения и выводы этих фундаментальных научных работ. Таково, например, умо-

⁶⁹ Ex libris НГ [Независимой газеты], 28. 01. 1999, С. 3.

⁷⁰ Коллинз Рэндалл. Предисловие к русскому изданию // Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002, С. 37.

⁷¹ Письмо М. М. Бахтина В. Кожинуву от 10. 01. 61 г // «Литературная учеба», кн. 5—6, 1992, С. 145.

заклучение М. М. Бахтина, конститутивное для «мыслительного коллектива»: «На диалоге лежит печать не одной, а нескольких индивидуальностей»⁷².

Среди содержательных работ о Круге — книга московского искусствоведа А. С. Шатских «Витебск. Жизнь искусства. 1917—1922», посвятившей самостоятельную главу «Кругу» и поместившей насыщенный (хотя и далеко неполный) хронограф публичной деятельности его участников в Витебске. К этому ряду трудов следует отнести работу профессора В. Н. Захарова, прозвучавшую в виде доклада⁷³ на финской конференции и опубликованную в журнале «Русская литература» — «Проблема жанра в «школе» Бахтина»⁷⁴, в которой рассматриваются трактовки категории «жанр»⁷⁵, наряду с «сюжетом» и «фабулой», в трудах Бахтина, Медведева и Волошинова. На основании сравнительного анализа употребления этих понятий докладчик пришел к выводу об интеллектуальной самостоятельности творческой мысли каждого из авторов. К подобным выводам — на другом материале — приходили В. П. Алпатов, Т. В. Шитцова, А. А. Кораблев, Г. М. Фридлендер, С. Н. Земляной, И. Титуник, Г. Морсон, К. Эмерсон, Л. Матейка, Н. Перлина, Ц. Тодоров, К. Киршоп, К. Брандист, Г. Тиханов, Б. Гаспаров, Н. Васильев, П. Серрио и другие исследователи, в том числе авторы и издатели «timeline»⁷⁶, комментаторы последних переводов книги Медведева «ФМ» на финский (2007) и французский (2008) языки — профессора Т. Лайне, М. Лахтенмяки, Б. Вотье и Р. Комте. Но вот безапелляционное суждение издателя последнего «Бахтинского сборника» (№ 5): «Тенденция в особенности в зарубежных работах о М. М. Бахтине противопоставлять ему П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова как якобы самостоятельных мыслителей и теоретиков, продуктивных для марксистской науки, представляется мне умышленной и небескорыстной аберрацией, совершенно непродуктивной для анализа бахтинской программы»⁷⁷. А формулировки Аверинцева представляются ему «морально устаревшими»⁷⁸. Только в советском и постсоветском сознании подлинная история может быть помехой в изучении Бахтина. Подобным образом может рассуждать менеджер, а не исследователь. Обвинение же в корысти зарубежных ученых по меньшей мере вызывает недоумение. Несколько ранее на страницах «Вопросов литературы» он уже укорил Цветана Тодо-

---

⁷² М. М. Бахтин. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Диалог I. Проблема диалогической речи // Собр. соч., т. 5, С. 211.

⁷³ The XII International Bakhtin Conference: Programme. Abstracts. Jyväskylä, Finland, July 18—22, 2005, P. 58.

⁷⁴ Захаров В. Н. Проблема жанра в «школе» Бахтина // «Русская литература», № 3, 2007, с. 19—30.

⁷⁵ М. М. Бахтин выразил свое понимание жанра при обсуждении его доклада «Роман как литературный жанр» в ИМЛИ: «Раз уже зашел разговор о жанре, я отказываюсь от определения, но считаю, что проблема жанра, в высшей степени существенная, должна быть прорабатываема в связи с более серьезной проблемой так называемой композиционной стилистики». (Н. Паньков. М. М. Бахтин и теория романа // «Вопросы литературы». № 3, 2007. С. 297).

⁷⁶ См. примечание В. Н. Захарова в его статье (с. 19): «О современном состоянии исследований и проблемах «круга Бахтина» см.: The Bakhtin Circle in the Master's absence / Eds Craig Brandist, David Shepherd & Galin Tikhonov. Manchester; New York: Manchester University Press, 2004; Медведев Ю. П., Медведева Д. А. Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» // «Звезда». 2006. № 7. С. 194—206.».

⁷⁷ В. Л. Махлин. Незаслуженный собеседник (II) // Бахтинский сборник. 5. М., 2004, С. 336.

⁷⁸ Там же.

рова тем, что тот, якобы «забив» Бахтина», заработал на этом пенсию⁷⁹ (вот уж поистине: «с большой головы на здоровую!»). Потом переключился на критику Аверинцева, продемонстрировав при этом, что не только «бахтинская программа», но и аверинцевская — ему не по плечу. Это сказывается на лексике многих его сочинений. Публикацию об Аверинцеве уже оценила в тех же «Вопросах литературы» литературовед и критик Ирина Роднянская⁸⁰. Впрочем для нас, знакомых с его комментарием к работам Круга, изданным в пиратской серии «Бахтин под маской», все это не является неожиданностью. О научной несостоятельности этой коммерческой серии писали многие⁸¹, даже С. Г. Бочаров. Но мало кто публично оценил качество комментария, кроме проф. В. Белоуса в «Вопросах философии»⁸². Вот один из примеров, из числа знаковых.

Во 2 веке от Р. Х. и иудеи, и христиане решили исключить некоторые спорные книги, входящие в состав Ветхого Завета, из числа священных, а статус некоторых других книг подтвердить. Было определено, что часть книг принадлежит Священному Писанию — это «канонические» богодухновенные тексты, т. е. «*надиктованные*» Духом Святым. В корпусе Библии, как исторически сложившегося свода текстов кроме канонических были оставлены и благочестивые, но *не богодухновенные* тексты, названные девтероканоническими. По аналогии С. С. Аверинцев назвал «девтероканоническими» книги, включенные в корпус текстов Круга, но НЕ написанные самим Бахтиным. Комментатор же серии «Бахтин под маской», приблизительно знакомый со смыслом термина, тексты Круга называет «девтероканоническими текстами Бахтина»⁸³. Все получается, как в советских учебниках философии, *с точностью до наоборот!* В бахтинологии это довольно распространенное явление.

⁷⁹ В. Махлин. Без кавычек // «Вопросы литературы». 2005. № 1—2, С. 19.

⁸⁰ Роднянская И. Б. Объект ВЛ: человек словесный // Там же, 2007, № 3, С. 95—112.

⁸¹ Резолюция одной из конференций гласит: «III Международная конференция «Бахтинские чтения», проходившая с 23 по 25 июня 1998 года в Витебске, была посвящена памяти ближайшего соратника и друга М. М. Бахтина — всемирно известного литературоведа, профессора П. Н. Медведева (1892—1938), в связи с 60-летием со дня его гибели. ... Участники конференции считают, что отсутствие в научном и литературном обиходе избранных трудов П. Н. Медведева, не переиздававшихся по идеологическим мотивам или не публиковавшихся ранее, а также отсутствие его творческой биографии, основанной на новых (ранее недоступных в связи с арестом и расстрелом в 1938 году) фактах, — отрицательно сказывается на возможностях комплексного изучения наследия М. М. Бахтина, его научного круга.

Пиратские издания, предпринятые в серии «Бахтин под маской», по своему качеству не способны, как это неоднократно отмечалось в печати, восполнить существующий пробел, кроме того они заслуживают морального и научного осуждения. ...»

Резолюцию подписали: к. ф. н. Т. Г. Шитцова (Минск), к. ф. н. А. А. Кораблев (Донецк), проф. Б. Жилко (Польша, Гданьск), д. ф. н. В. М. Аллатов (Москва), д. ф. н. Б. Ф. Егоров (Санкт-Петербург), Т. Ковригина (БГУ), доц. Х. Сасаки (Япония), А. И. Гладкий (БГУ, Минск), Н. А. Паньков (докторант МГУ, Витебск-Москва). (Со времени подписания документа места работы и научные звания участников частично изменились).

⁸² В. Б. [елоус]. Рец.: Бахтин под маской. М., Лабиринт, 1993 // «Вопросы философии». 1994, № 9, С. 214—215. (Данная рецензия подписана инициалами «В. Б.», так как в том же номере журнала ей предшествует другая работа проф. В. Г. Белоуса, подписанная полным именем).

⁸³ Махлин В. Л. Комментарии // «Бахтин под маской». Маска вторая. М., Лабиринт, 1993, С. 193; Маска 1, С. 118.

Преподаватель теории литературы Нижегородского университета А. В. Коровашко, в статье «Заметки об авторстве спорных бахтинских текстов», цитируя Бочарова, пишет: «... свидетельства современников и собеседников Бахтина хоть и «не могут быть доказательствами», но «все же чего-то стоят»⁸⁴. Проблема только в том, — продолжает автор статьи, — что процент «брака» в этих показаниях недопустимо велик. Чего «стоит», к примеру, потрясающая разногласия в описании В. Кожинным, Г. Гачевым и С. Бочаровым обстоятельств их первого визита к Бахтину: по свидетельству Кожина, Гачев стал перед Бахтиным на колени; согласно показаниям Бочарова, Гачев на колени перед Бахтиным не становился; по версии самого Гачева, на колени перед Бахтиным он становился мысленно»⁸⁵. Коровашко и дальше очень точно анализирует ситуацию с так называемыми «спорными текстами»: его статью⁸⁶ можно прочитать и в Интернете.

Единственным, по сути дела достоверным источником, кроме писем Бахтина, являются магнитофонные записи его бесед с Дувакиным.

Вот Бахтин говорит Дувакину, и мы можем услышать его голос на магнитофонной ленте, что Медведев — один из его «ближайших друзей того времени» (С.215), подчеркнув это даже интонацией, а Турбин печатно утверждает, что они и близки-то не были⁸⁷. Кожин уничтожительно называет Медведева «литературным журналистом», а Бахтин (в уже цитированной нами беседе с Дувакиным) — «теоретиком литературы» (С.222).

Бахтин пишет Кожину из Саранска, что книги Медведева и Волошинова ему хорошо известны и принадлежат его единомышленникам, Турбин же говорит, что когда он принес Бахтину «Формальный метод», то тот увидел эту книгу впервые⁸⁸. Есть хорошая русская поговорка: «Врет как очевидец». А ведь именно эти и подобные им «откровения» формировали общественное мнение того времени, особенно на многочисленных собраниях и конференциях, от Москвы до Махачкалы. Причем вся недостоверная информация подавалась и воспринималась как идущая от самого Бахтина.

Стоит ли удивляться, что примерно в то же время известный лингвист А. А. Реформатский весело сообщал новость своей коллеге А. В. Десницкой: «Ведь Волошинова-то вообще не было! Это просто карнавальный персонаж!». На что Агния Васильевна не столь весело отвечала: «Ну, что вы, я его прекрасно помню, он был аспирантом моего отца, с тортиком приходил...»⁸⁹.

---

⁸⁴ Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // «Новое литературное обозрение». № 2. 1993. С. 73.

⁸⁵ См. об этом запутанном вопросе в следующих публикациях: Кожин В. В. Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа: (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М. М. Бахтина) // «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Витебск. 1992. № 1. С. 112; Бочаров С. Г. Примечание к мемуару // «Новое литературное обозрение». № 3 (1993). С. 209—210.

⁸⁶ Коровашко А. В. Заметки об авторстве спорных бахтинских текстов // Вестник Нижегородского гос. университета. Серия: филология. 2000. №1. С. 62—66. http://www.unn.ru/?file=vestniki_journals&num=986

⁸⁷ Турбин В. Н. М. М. Бахтин: Буэнос-Айрес — Кемерово // «Литературная Россия». М., 1989, 5 мая, С. 8.

⁸⁸ См.: Махлин В. Л. Комментарии // П. Н. Медведев. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. С. 206.

⁸⁹ Из беседы А. В. Десницкой с Ю. П. Медведевым в сентябре 1986 года.

А в новейшей статье о Бахтине для Галереи русских мыслителей Международного общества философов в Интернете ближайшим другом Бахтина назван уже не кто-нибудь, а именно неизвестный ему Махлин⁹⁰. Да и как могло быть иначе, если сам этот персонаж, не без юмора, конечно, распространил лестную для себя шутку: «Махлин — это Бахтин сегодня»⁹¹.

Но если непредвзятый зарубежный автор, скорее всего бывает обманут или просто ошибается, то насаждающие фальшивые версии российские авторы чаще всего лгут осознанно. Вот рецензия на книгу американской исследовательницы творчества Б. М. Эйхенбаума Кэрол Эни, опубликованная в уважаемом журнале «Новый мир» (1995, № 6). При подготовке своей книги Эни⁹² подробно знакомилась с архивом и жизнью Б. М. Эйхенбаума, в том числе в семье покойного Б. М. Она сочла необходимым в своей книге специально отметить, что, по ее сведениям и разысканиям, авторство книги «ФМ» принадлежит именно Медведеву и Бахтину передается совершенно некорректно. В рецензии же это мнение автора книги не приводится, а спор Эйхенбаума ведется не с Медведевым, а с Бахтиным. Трудно заподозрить рецензента в незнании английского, скорее дело в необходимости напечататься, защитить диссертацию, получить одобрение «артели интеллектуалов».

Но известны и другие ситуации, когда научная честность преодолевала мнение дезориентированного большинства. Г. М. Фридендер, написавший одну из первых статей о творчестве Бахтина, ратовавший за избрание его в Академию наук и ходатайствовавший о присуждении ему Государственной премии, в 70-ые годы привез из Москвы от окружения Бахтина «достовверную» весть о бахтинском авторстве известных текстов и официально поделился этой новостью на ученом совете Института русской литературы (Пушкинского Дома). Но совесть и научная этика не давали покоя академику, еще помнившему лекции и доклады Медведева в ЛИФЛИ и ленинградском университете, и, разобравшись в ситуации, он уже письменно (в журнале «Русская литература») признал, что Бахтин, «вопреки широко распространенному представлению», не был автором «книги П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении», «приписываемой многими исследователями у нас и за рубежом Бахтину»⁹³.

В одной из своих публикаций Турбин аттестовал себя «камердинером Бахтина», думал, что изящно пошутил, а оказалось — оговорка по Фрейду. Несомненно одно: его аспирантка — дочь всеильного руководителя КГБ Андропова, которая во многом помогла в бытовом устройстве Бахтиных, невольно оказалась и порукой тех противоправных действий, которые позволили себе правопреемники. «По распоряжению» — по этой условной и безотказной кремлевской команде, «рассекреченной» в статье Бочарова («Об

---

⁹⁰ ... The theories of Bakhtin and his Circle touch upon virtually every aspect of everyday life, and V. Maklin, a personal friend of Bakhtin and the head of the Bakhtin Center in Moscow, recently revealed that Bakhtin was trying to establish a philosophy of discursive action for each of the principle speech situations... (Robert Barsky). См. творческие биографии М. Бахтина и П. Медведева в Галерее русских мыслителей Международного философского общества — Gallery of Russian Thinkers http://www.isfp.co.uk/russian_thinkers.

⁹¹ См.: Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998, № 2, С. 169 (примечание 1).

⁹² Carol Ani. Boris Eikhnenbaum. Voices of a Russian Formalist. Stanford University Press. 1994, P. 57, 240.

⁹³ Фридендер Г. М. Наследие М. М. Бахтина вчера и сегодня // «Русская литература», 1993, № 3, С. 198.

одном разговоре...», с. 70), выдавались не только лекарства в кремлевской аптеке, но и противозаконные издательские права. Цитата из документа РАО (Российского авторского общества), Москва:

«В ответ на Ваш запрос от 16 февраля с. г. относительно издания за рубежом книги «Формальный метод в литературоведении» сообщаем следующее.

Указанная книга действительно была опубликована в переводах на чешский, японский и польский языки по контрактам, заключенным при посредничестве бывшего ВААП. В этих случаях она публиковалась под именем М. М. Бахтина как она была представлена его правопреемниками. Гонорары за эти издания были выплачены С. Г. Бочарову и В. В. Кожинуву на основании представленных ими официальных документов, удостоверяющих их права наследования на труды М. М. Бахтина.

Как Вам уже ранее сообщалось, авторство П. Н. Медведева на книгу под названием «Формальный метод в литературоведении», Л., «Прибой», 1928 г. никогда не оспаривалось».

Этот документ говорит о том, что заинтересованные лица будут продолжать настаивать на своей правоте всеми доступными им, в том числе, как свидетельствуют вышеприведенные комментарии, псевдонаучными средствами, чтобы сохранить свое реноме перед историей, и к этому надо быть готовыми.

Но это им все же вряд ли удастся, так как совершен научный подлог, направивший мировое бахтиноведение по ложному пути. Вот текст документа о предполагаемом заключении контракта между ВААПом и французским издательством «Пайо» (Payot) на издание книги Волошинова «Фрейдизм» под именем Бахтина:

«Бахтин Мих[аил] Мих[айлович]

(под именем Волошинов В. Н.)

«Фрейдизм» (Философско-эстетическо-литературоведческое исследование) М.—Л., Госиздат, 1927, около 15 а[вторских] л[истов].

Уст[уплено] во Францию изд-ву «Пайо» с извещением УЭИП (М. А. Усанкова), что в случае контракта УЛИ [Управление литературы и искусства ВААП] передаст для франц[узского] издания вступит[ельную] заметку, предназначавшуюся автором для всех зарубежных изданий его работ, которые выходили под именами Волошинова и Медведева.

14 июля 1976 06. 08. 1976 19. 10. 1977 [Подписи:] В. Панов

А. Кабанов»

Бахтина не стало в марте 1975 года, но публикуемый документ оперирует датами гораздо более поздними, свидетельствующими о том, что намерение изготовить «вступительную заметку» для ВААП, якобы подписанную Бахтиным, все еще продолжало существовать. Первое издание книги «ФМ» под именем Бахтина на русском языке в издательстве «Серебряный век» было осуществлено в 1982 году в убеждении, что в ВААП такой документ имеется. Автор издательского предисловия к этой книге, в частности, пишет:

«...А. Дж. Уэрль в своем предисловии к американскому изданию «Формального метода» приводит слова В. В. Кожинова, сообщившего, что

М. М. Бахтин подписал перед смертью документ, хранящийся в настоящее время в ВААПе, в котором он заявляет о своем авторстве и просит в случае переиздания указанных трудов опубликовать их под его именем⁹⁴. Решительный отказ Бахтина подписать фальшивку стал известен позднее, когда прецеденты подобных переизданий уже состоялись.

В позднейшей переписке с Г. Морсоном, инициатором нашумевшей и справедливой полемики⁹⁵ с авторами американской биографии Бахтина по поводу приписывания Бахтину текстов его коллег, тот же редактор «Бахтинских сборников», в одном из них, в «Переписке из двух миров», снова письменно заверил Морсона и всех прочитавших эту переписку⁹⁶, что в нужный момент нужный документ появится. Дезориентация научной общественности получила хотя и не новое, но свежее подкрепление.

Мы не спешили с преданием гласности документов РАО и ВААПа, как и многих других свидетельств⁹⁷, надеясь, что сторонники бахтинского авторства одумаются, что в них восторжествует бахтинская этика и мораль, а научный подход к диалогическому феномену «Круг М. М. Бахтина» все расставит по своим местам. Но появление 1 тома (последнего из изданных до нынешней конференции томов) собрания сочинений Бахтина, с бессмысленным и непристойным по тону комментарием о словарных и прочих заимствованиях у Бахтина его коллегами, — уже переходит границы приличия. Словоблудие новоиспеченных Тептелкиных⁹⁸, которые, по словам Бахтина, философствовать любят, но философами не являются, как и чудовищное обвинение в корысти, адресованное зарубежным исследователям, стремящимся объективно докопаться до истины, вынуждает нас наконец назвать подлинные источники дезинформации и корысти, предав гласности приведенные выше документы.

Литературовед В. В. Здольников, обзревая итоги III Международных Бахтинских чтений в Витебске в статье под символическим названием «Коллежские треножки жрецов», писал:

«Казалось бы странным говорить об этом применительно к гуманитариям, но вопрос о профессиональной честности в науке, об интеллектуальном мародерстве что называется витал [на этой конференции. — *Авторы*]. Как и призыв не делать П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова авантюристами от науки, питающимися крохами со стола гения. Они были личности достаточно незаурядные и талантливые, чтобы соответствовать кругу Бахтина, быть интересными не только Михаилу Михайловичу, но и нам... Бахтин и его круг недоступны пониманию с позиций низости, конъюнктурных соображений — мысль эта пронизывала многие доклады» (ДКХ. 1998, № 3, с. 191). Как видим, затронутая нами проблема волнует многих и уже давно. Исследователи не хотят быть заложниками упрощенной науки и участвовать в кампании,

⁹⁴ От издательства // Михаил Бахтин. Формальный метод в литературоведении. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982, С. 4—5.

⁹⁵ *Morson G. S. Two voices in every head // New York Times book rev. 1985. Febr., 10. P. 32.*

⁹⁶ *Махлин В. Л., Морсон Г. С. Переписка из двух миров // Бахтинский сборник (БС-2), 1991, С. 42.*

⁹⁷ Мы располагаем рядом других примеров ухищрений в подмене авторства, но размеры доклада ограничивают нас в описании подробностей.

⁹⁸ Тептелкин — один из героев романа К. Вагинова «Козлиная песнь».

которая по качеству и последствиям напоминает марризм и лысенковщину и ведется методами «охоты на ведьм».

Справедливо заметил Кен Киршоп: «For a long time we knew very little about Bakhtin's life. Thanks to the efforts of post-*glasnost* Bakhtin scholarship, we know even less»⁹⁹.

Вероятно, «Беседы Бахтина с Дувакиным» так долго не издавались, чтобы позиция бахтинского канона успела окончательно закрепиться в России и за рубежом. Да и письмо Бахтина Кожинуву 1961 года стало известно лишь в 90-ые годы, когда общественное мнение было сформировано противоправными изданиями, особенно новоиспеченного «Лабиринта», наводнившего бахтинскими «масками» и «полумасками» книжный рынок. Несмотря на то, что крупнейший знаток истории лингвистических учений В. М. Алпатов, которого издатели, для укрепления своего имиджа, решили привлечь в комментаторский коллектив очередного переиздания трудов «Круга» (надеясь на его безусловную поддержку), неожиданно написал, что «нет никаких оснований для едва ли не господствующей в наши дни... точки зрения о М. М. Бахтине как единственном авторе»¹⁰⁰; другой известный филолог, профессор В. Н. Захаров, которого редакция «ДКХ» в 1994 году попросила ответить на вопросы анкеты о работах Бахтина, посвященных Достоевскому, вдруг закончил свое интервью словами, не имевшими прямого отношения к вопросам анкеты: «... И еще. Не надо Бахтину приписывать чужие работы. То, что до сих пор сказано по поводу работ В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева, не дает оснований даже для признания соавторства (не то что авторства!) Бахтина... Истина диалогична, и первыми это ощутили друзья и собеседники великого русского философа»¹⁰¹.

Несмотря на простоты весьма компетентных людей, кампания по дискредитации Волошинова и Медведева продолжается, а книги Волошинова и Медведева неразборчивые редакторы включают в справочники как труды Бахтина, не понимая, что совершают преступление.

Действительно, почему бахтинские беседы с Дувакиным — ценнейший документальный источник сведений о нем и о Круге — были опубликованы лишь спустя 20 лет после их записи? А весь мир вынужден был пользоваться единственной биографией Бахтина, изданной американскими авторами в 1984 году, которые, кстати, если бы были знакомы с беседами Бахтина, вероятно, скорректировали бы свою версию его научной биографии, избежали ряда неточностей и ошибок. Окружение Бахтина не могло не знать о его беседах с Дувакиным, кое-кто (как явствует из самого текста) при этих беседах присутствовал.

Уже более 30 лет, как нет Михаила Михайловича Бахтина. Все эти годы он находился во власти так называемой «бахтинской индустрии», в которой потонуло немало настоящих, честных работ. Сегодня проходит уже XIII международная конференция его имени. Казалось бы, пора подвести итоги. Но ито-

⁹⁹ См. сноску 34, С. 111.

¹⁰⁰ Алпатов В. М. Лингвистическое содержание книги «Марксизм и философия языка» // М. М. Бахтин. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998, С. 517. В ответ на это, Алпатов, один из серьезнейших исследователей творчества М. М. Бахтина, был объявлен «не бахтинистом».

¹⁰¹ Захаров В. Н. [Ответы на вопросы анкеты] // «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 1994, № 1, С. 10.

ги эти, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что постижение Бахтина и его Круга еще предстоит, что оно таит новые научные перспективы и нуждается в притоке свежих сил. Непреходящее величие мыслителя Бахтина в том, что он по-прежнему интересен и загадочен. Он по-прежнему стимулирует творчество «другого» и «других» — наше общее интеллектуальное «мы».

Продолжает жить и бахтинский Круг. Выходят новые переводы работ участников Круга, их творческой деятельности посвящаются все новые научные труды и доклады на международных конференциях, публикуются ранее неизвестные рукописи и документы. Изучение трудов и деятельности Круга расширяет научный и философский кругозор бахтинистики, способствует постижению «бахтинской парадигмы» в культуре, дает новые импульсы для изучения специфики научного и художественного творчества. «Первая философия» Бахтина, «социологическая поэтика» Медведева, «социолингвистика» Волошинова — все это звенья одной цепи...

«Настоящее «мы» незыблемо, непререкаемо и постоянно. Его нельзя разбить, растащить на куски, уничтожить. Оно останется неприкосновенным и целостным, даже когда люди, называющие себя этим словом, лежат в могилах», — эти слова словно выбиты на камне Надеждой Мандельштам в ее «Второй книге»¹⁰².

Ниже мы публикуем статьи-рецензии П. Н. Медведева 1911—12 годов, на которые ссылались в докладе. С перепечатками его некоторых ранних работ можно ознакомиться также в «ДКХ» (2003, №1—2 (39—40), «Звезде» (2006, №7, сс. 197—8), «Вопросах литературы» (2009, №6), «Звезде» (2010, № 11).

Павел Медведев
Рецензии 1911—1912 годов

К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ
НЕОИМПРЕССИОНИЗМА
(Книга Поля Синьяка).

Если у нас неоимпрессионизм является последним словом художественного откровения, если русской живописи еще предстоит пройти сквозь строй его, то на Западе, в частности, во Франции это направление уже пережило свой «период бури и натиска» и безвозвратно отдало прошлому те прекрасные годы своей молодости, когда новая весть неоимпрессионизма чаровала и властно привлекала к себе самые смелые, самые яркие сердца.

За последние двадцать лет бурный, жадный поток исканий устремился в новые русла, успели возникнуть и окрепнуть новые школы футуристов и кубизма, и в жизни неоимпрессионизма настал почти что «академический» фазис успокоенности и бездвижности. В этот момент возникает обыкновенно стремление к теоретическому обоснованию школы, стремление закрепить в точном и ясном каноне достижения творческой интуиции.

И неоимпрессионизм, подвластный этому закону, получил таковое обо-

¹⁰² Мандельштам Надежда. Вторая книга // М., 1990, С. 31.

снование к началу текущего века в книге Поля Синьяка «От Эжена Делакруа к неоимпрессионизму», только что появившейся на русском книжном рынке в очень приличном переводе И. О. Дудина. Книга эта является настолько значительным событием, что мы позволим себе остановиться на ней внимание наших читателей. Схематически всю историю французской живописи прошлого века можно обозревать как борьбу и параллельное развитие двух школ: академизма, идущего от Давида и Энгра, и школы романтической, школы свободных исканий, представители которой, начиная с Делакруа, всегда были отщепенцами, изгоями в серой атмосфере парижских Салонов. В этой второй школе нетрудно подметить тот лозунг, который объединяет всех ее сторонников, те возделенные «белые кумы»¹⁰³, к которым пламенел их пафос. Этот пафос должен быть выражен как трепетное стремление пробудить к жизни краску, влить в истощенный организм ее максимум крови и страсти или — если принять во внимание огромный параллелизм между краской и звуком, — заставить краску звучать, петь. Это стремление, углубляющееся с каждым новым десятилетием, роднит могучего корифея хора романтиков Делакруа с представителями самого строгого реализма — неоимпрессионистами Сёра и Синьяком, и последний поступил очень хорошо, постаравшись самым тщательным образом доказать и укрепить в своей книге эту связь.

Не только у нас, но часто и за границей неоимпрессионизм называют пуантилизмом и, таким образом, главный конструктивный признак его видят в технике письма мелкими многоцветными точками.

П. Синьяк с первых же страниц своей книги доказывает неточность, узость этого воззрения:

«Неоимпрессионизм не пуантилирует, а разделяет.

Разделять же — это значит обеспечить себе все преимущества светосильности, красочности и гармонии посредством:

1) Оптической смеси красок исключительно простых (все цвета призмы и их тона);

2) Разделения различных элементов (цвет локальный, цвет в освещенной части, их взаимодействия и т. д.);

3) Равновесия этих элементов и их пропорций (смотря по законам контраста, ослабления и лучистости);

4) Посредством выбора мазка, пропорционального размеру картины» (стр. 14—15).

Таким образом, мы видим, что неоимпрессионизм нельзя приравнивать к отдельному техническому приему; это — целая научная теория о наилучшем использовании живописного материала — краски, полотна, а также и планов картины; это целая школа, поставившая себе задачей создание гармонии из хроматической гаммы солнечного спектра.

И удивительно, как эта же самая задача занимала и волновала Эж. Делакруа, лучшие порывы которого были направлены к достижению такого «солнечного» стиля. За самыми подробными непререкаемыми доказательствами мы отсылаем читателей к книге П. Синьяка, ограничившись здесь

⁹⁹ ...«Белые кумы»... — из стихотворения В. Брюсова «Дедал и Икар» (1908).

только одной выпиской из записной книжки Делакруа: «Природа, — говорил он, — только словарь; где ищут слова... там находят элементы, из которых слагается фраза или изречение; но никогда никто не придавал словарю значения, как сочинению в поэтическом смысле слова». И дальше: «Стиль может быть результатом только великих исканий». Сам Делакруа в огромной степени, конечно, был причастен этим исканиям; многого он и достиг наитием своей гениальности. Последующие художники, кровно связанные с ним, постарались сообщить этим исканиям планомерный размах и научную форму. Так, Ионкинд, а за ним и импрессионисты во главе с Моне и Ренуаром уже начали обильно пользоваться оптической, а не материальной смесью и утвердили на своей палитре шесть чистых тонов солнечного спектра. Наконец, на долю неоимпрессионистов выпал последний жест: совершенно отклонить материальную смесь, заменив ее оптической, и ввести разделенный мазок, «пропорциональный размеру картины», — от штриха, которыми пользовался Делакруа, до красочной мелкой точки.

Вот как формулирует ход и результаты этой эволюции П. Синьяк:

Делакруа: «Отвергая всякую плоскую окраску и благодаря деградации, контрасту и оптической смеси, он успел извлечь из бывших в его употреблении, отчасти бессильных элементов наибольшую яркость, гармония которой гарантируется систематическим применением законов, управляющих цветами».

Импрессионисты: «Имея на палитре только чистые краски, они достигли в результате большей светосильности и большей красочности, чем Делакруа; но они уменьшали яркость материальными и грязными смесями и ограничивали гармонию, применяя законы цветов только отрывочно и неправильно».

Неоимпрессионисты: «Совершенным упразднением всякой загрязняющей смеси, исключительным употреблением оптической смеси чистых красок, методическим разделением и соблюдением научной теории цветов они гарантируют наибольшую светосильность, красочность и гармонию, которая не была еще достигнута... Их краски расположены посреди луча, на хроматическом диске идущего от центра — белого — к окружности — черному. А это место обеспечивает им максимум насыщенности, силы и красоты» (128—129; 162—163).

Установлением общих принципов неоимпрессионизма и крепкой, нутряной связи его с дорогами и великими именами прошлого исчерпывается самая значительная, порою блестящая часть книги Поля Синьяка. Дальнейшая, посвященная детальному разбору вопроса о «division» — о разделении и о художественном воспитании глаза, является сколком из современных учений психологии и оптики.

Итак, теоретически неоимпрессионизм обоснован; с правильностью и полезностью его теории спорить не приходится. Но, во-первых, неоимпрессионизм практически не доказал, что за ним и только за ним сохраняется «максимум насыщенности, силы и красоты». А в искусстве такие «прагматические» доказательства — единственный критерий истинности; во-вторых, неоимпрессионизм — не учение, не канон, способный стать *ratio scripta* художника, а только ряд полезных советов и сведений. Велико, конечно, зна-

чение формы, и без всякого сомнения, художник обязан знать законы своего материала. Но все это, подобно проповеди научной поэзии Рене Гиля и Вал. Брюсова¹⁰⁴, составляет, так сказать, нижний план творческого колдовства. Выше и вверху — та толстовская «изюминка», которой не было в жизни Протасова, тот вихрь индивидуального воскресия, хмельного порыва к небу, которым благословенно всякое великое и настоящее искусство...

Статья П. Н. Медведева «К теоретическому обоснованию неоимпрессионизма. (Книга Поля Синьяка)» опубликована в журнале «Новая студия» (Петроград, 1912, № 9, с. 14—15), перепечатывается по тексту журнала.

Данная работа Медведева примечательна тем, что содержащаяся в ней оценка труда Поля Синьяка по «материальной эстетике» начала века строится на материале живописи, но тесно увязана с близкими, по его мнению, явлениями поэтики (теория научной поэзии Рене Гиля и В. Брюсова) и написана еще до появления ОПОЯЗа и его сборников. Эта оценка напрямую предшествует тому развернутому критическому анализу трудов западноевропейских исследователей теории искусств, который продолжен Медведевым в рецензиях на книги С. Грузенберга и Р. Мюллера-Фрейнфельса, в статье «Ученый сальеризм», широко развернут на страницах «Формального метода...» и «Формализма и формалистов» и дает основание современным исследователям утверждать, что Медведев развернул «панораму» западноевропейской теории искусства¹⁰⁵. Примечательны выводы медведевской статьи и даже ее интонация, коррелирующие с выводами и интонацией будущей книги «Формальный метод...», где бескомпромиссная оценка метода исследования художественных явлений («нижний план») сосуществует с признанием достигнутой рецензируемой работы.

Г. Лансон. *Метод в истории литературы.* Перев. с французского и послесловие М. Гершензона. Москва. 1911 г.

На литературу мы смотрели разное. Она была для нас святыней общественного служения, красивой безделушкой, источником героических порывов сердца и, наконец, — самое глубокое из «научных» определений, — совокупностью словесных произведений, в которых выражается духовная жизнь народа. Но литература, как тайна художественного умозрения — о, мы меньше всего старались так понимать литературу.

История литературы? За нее сходились и сводки биографий писателей, и характеристики литературных героев, и история общественной мысли, поскольку она выявилась в художественном слове. Но история литературы, как наука или по крайней мере «научнообразная» дисциплина, с точными

---

¹⁰⁴ См.: Рене Гиль — Валерий Брюсов: Переписка. 1904—1915 / Научн. ред. А. В. Лавров; Публ., вступит. ст. и коммент. Р. Дубровкина. СПб.: Академический проект, 2005.

¹⁰⁵ См.: *Benedicte Vauthier*: Lire Medvedev pour mieux comprendre Bakhtin // *Langage et pensee*; Union Sovietique annees 1920—1930. Cahier n 24, 2008. Numero edite par Patrick Seriot et Janette Friedrich. Universite de Lausanne. Suisse, P. 77—99; *Pavel Medvedev*: La methode formelle en litterature. Edition critique et traduction de B. Vauthier et R. Comtet. Presses Universitaires du Mirail, 2008.

границами своего предмета и собственным методом — об этом начали говорить только в последние годы под влиянием трудов школы Потебни и Веселовского.

Поэтому книжка Лансона и Гершензона важна уже тем, что она серьезно ставит и разрешает посылно все эти вопросы: Лансон дает общее понятие о методе и схему примерного пользования им, а Гершензон в своем прекрасном послесловии — переоценку общепризнанных взглядов на сущность и цели истории литературы. Конечно, свою работу они выполнили не исчерпывающе: Лансон, напр[имер], слишком бегло говорит об отношении литературы к жизни и обратно, а Гершензон оставляет без рассмотрения кардинальный вопрос: как возможно выяснение в истории литературы сущности и роста художественной интуиции, если она пока есть только термин, не заключающий в себе строго и научно осознанного понятия, а рост ее — только постулат и гипотеза? Кроме того, не со всеми положениями, особенно Лансона, можно согласиться. Несмотря на все это, книжка безусловно ценна и является добрым вкладом в нашу бедную библиотеку по методологии истории литературы.

Фр. Ницше. *Автобиография (Ессе homo)*. Перев. с немецк. и предисл. Ю. М. Антоновского. СПб. 1911 г.

«Тот, кто умеет дышать воздухом моих сочинений, знает, — писал Ницше, — что это воздух высот, здоровый воздух. Надо быть созданным для него, иначе рискуешь простудиться».

Пора недавнего ницшеанства в России была именно такой простудой. Поэтому у нас или совсем не поняли великого философа или приравняли его к нескольким элементарным формулам аристократического эгоизма.

Теперь наступила пора выздоровления и время ясного проникновения вглубь тех истин, провозвестником которых был Ницше.

Для этой цели необходимо и з у ч а т ь его философию, и тут-то настоящая книга незаменима.

В ней и только в ней Ницше считается со своими слушателями и, сойдя с горных высот, где проповедовал Заратустра, разъясняет им его пафос и символику.

Таким образом, «Автобиография» является пролегоменами к философии Ницше, лучшим и чуть ли не единственным источником, при помощи которого можно познать ее истинный смысл. Перевод г. Антоновского хорош и вполне литературен.

Рецензии П. Н. Медведева на книгу Г. Лансона «Метод в истории литературы» и «Автобиографию» Ф. Ницше опубликованы в одном номере журнала «Против течения» (Петроград. 1911. 29 октября. № 7, стр. 3—4.), перепечатываются по тексту журнала.